

НАРОДНЫЙ РОМАН

АНАТОЛИЙ
ИВАНОВ

ТЕНИ
ИСЧЕЗАЮТ
В ПОЛДЕНЬ

Народный роман

Анатолий Иванов

Тени исчезают в полдень. Том 4

«ВЕЧЕ»

1963

Иванов А. С.

Тени исчезают в полдень. Том 4 / А. С. Иванов — «ВЕЧЕ»,
1963 — (Народный роман)

ISBN 978-5-4484-8440-7

Отец убивает собственного сына. Так разрешается их многолетняя кровная распря. А вчерашняя барышня-хохотушка становится истовой сектанткой, бестрепетно сжигающей заживо десятки людей. Смертельные враги, затаившись, ждут своего часа... В небольшом сибирском селе Зеленый Дол в тугой неразрывный узел сплелись судьбы разных людей, умеющих безоглядно любить и жестоко ненавидеть. Фильм, созданный по роману, имел огромный успех и принес автору всенародное признание.

ISBN 978-5-4484-8440-7

© Иванов А. С., 1963

© ВЕЧЕ, 1963

Содержание

Глава 27	6
Глава 28	15
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анатолий Степанович Иванов

Тени исчезают в полдень. Том 4

© Иванов А.С., наследники, 2009

© ООО «Издательство «Вече», 2009

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 27

Пистимея выпила две чашки густого, черного чая, отодвинула от себя нетронутое варенье и пирожки с сушеной малиной. Две девушки, что накрывали вчера вечером стол для Демида с Устином, поспешно начали мыть посуду.

– Что так, сестрица? – участливо спросила пожилая женщина, собиравшая вчера осколки разбитой Устином рюмки, мать этих девушек. – Покушала бы перед дорожкой.

– Не хочется что-то... Где Семен-то? Позови-ка.

– Ну, ин ладно, я малинки сушеной сейчас pošлю Марфушке на заезжий двор, она в сани вам уложит. Хорошая у нас нынче малина была, насыпь насыпью. – И повернулась к дочерям: – Ну-ка, кликните там батьку! Не слышите, что ли, кто зовет... Потом полы начинайте по всем комнатам мыть да к студии¹ готовьтесь.

Через несколько минут вошел низкорослый, давно не бритый, с тупым подбородком человек, в котором Устин вчера по голосу узнал нищего, приходившего к ним в Зеленый Дол. Звали его Семеном Прокудиным.

– Ну? – приподняла голову Пистимея.

– С полчаса назад подходил к дверям – почивают Дорофей Трофимыч. Пойду еще взгляну.

Семен ушел. Пистимея помолчала и спросила:

– На студии-то Дорофей Трофимыч, что ли, проповедь говорить будет?

– Ага, сами самолично... К вечеру велели собрать братьев и сестер во Христе.

– А не опасно?

– Так ведь Христос с нами. Какой-то новый документ изучать будем. Очень уж важный, говорят Дорофей Трофимович, сами разъяснять станут...

– У Селиванова Митрофана все собирается?

– Ага, у него.

– Менять бы места занятий-то. Не дай бог, приметят...

– Да, это верно. Хотя и то сказать – у Митрофановых дом в тихом, удобном месте стоит...

Опять вошел Прокудин, кивнул Пистимее головой:

– Идемте. Звали.

Демид сидел за пустым столом. Едва Пистимея вошла, он поднялся, шагнул навстречу, раскинул руки, обнял ее за плечи:

– Здравствуй, здравствуй, Пистимея... Сколько лет, сколько зим! Вот уж рад я встрече... Всемогуш и благосердечен бог наш Иегова, способствовавший встрече!

– Здравствуй... Демид, – несколько растерянно произнесла Пистимея.

Демид нахмурился, сказал:

– Дорофей я, Кругляшкин. Давай уж старые имена не вспоминать. Ты не обижайся. – Он взял ее за правую руку. – Семен Прокудин надежный пионер, проверенный слуга святой охраны. Он подслушивать не будет. Да ведь... и стены уши имеют. А моего имени никто не должен тут знать...

Пистимея хотела отнять руку, но Демид удержал ее, разглядывая обрубленные пальцы...

– А не пойму все-таки, Пистимея, зачем тогда ты... Ведь без руки была бы сейчас.

Пистимея чуть скривила сухие губы:

– Зачем бы я стала руку себе рубить... Я ведь знала, что он... Устин мой перехватит топор или оттолкнет меня от чурки. Шутка ли – с безрукой женой потом жить! По глазам все

¹ Студия – кружок по изучению иеговистской литературы, состоявший обычно из пяти-десяти сектантов.

читала у него. Он и толкнул. Да... вывернулся как-то уж топор у меня, когда он толкнул. Это уж случай. А кто случай предусмотрит...

– Да... Ну, проходи.

Пистимея нерешительно прошла к столу, села на краешек стула. Демид сел напротив. Некоторое время молчали. Демид поглядывал на Пистимею выпуклыми глазами, а она то клала на стол, то убирала свои руки.

– Давай-ка я вот что сперва скажу, Пистимея, чтоб... не стесняться нам, – усмехнулся Демид. – Было время – ты командовала, я каждого твоего слова слушался, каждую твою волю исполнял, ни о чем не спрашивая. Да и как было не слушать – подошли бы все в те поры. Премного благодарен тебе за все. А теперь уж...

– Да понимаю я, не без ума ведь, – сдержанно проговорила Пистимея. – Что же, времени-то немало прошло. Многое переменялось.

– Да, время... Но... – Демид еще раз, но теперь снисходительно, усмехнулся, мотнул куда-то в сторону головой. – А в общем, и сейчас, как видишь, слушаюсь я тебя. Говорил вчера с Устином. Верно, совсем начал сдавать мужик. Это ты хорошо придумала, ко мне его... Да ты вообще гораздо на придумки. С баптистами этими, например...

– Нужда научит хитрости, – промолвила Пистимея, – Захарка Большаков во все глаза ведь глядит. Чуть что почует, так...

– У нас, в краевом комитете²... словом, все высшие слуги Общества свидетелей великого и всемогущего Иеговы высоко оценили твою выдумку. Сам Николай Демьяныч³ дал потом распоряжение: слугам отделов, групп и килок, где возможно или необходимо, действовать, как ты...

– Что ж, спасибо, – сдержанно проговорила Пистимея. – Ты-то как? Каково жил? Ведь, кажись, года за три до войны и след твой канул... лет этак на десять... нет, на двенадцать даже. Уже в сорок девятом весточку о тебе Семен принес. Удивилась я, признаться, что ты... в Иегову уверовал.

– Так ведь что... Всяко жил. В тридцать восьмом попался-таки я, угодил за решетку. Обо всем дальнейшем, до самого конца войны, я вчера Устину рассказал. Спросишь у него. Потом в Германии я нырнул в это Общество свидетелей Иеговы. Огляделся – ничего, хорошее

² Краевой комитет – высший руководящий орган «свидетелей Иеговы» в стране. Иеговистская секта – глубоко законспирированная, скорее политическая, чем религиозная, организация. Ее деятельность в СССР запрещена. Международный центр Общества свидетелей Иеговы находится в США, в Бруклине (пригород Нью-Йорка). Ответвления общества существуют более чем в ста странах. Бруклинский международный центр разделит весь земной шар на десять «зон», в каждой из которых действует так называемое бюро. Каждая «зона» делится, в свою очередь, на восемь-десять «отделов», созданных по государственно-территориальному признаку. «Зоны» и «отделы» возглавляются особо доверенными лицами бруклинского центра, руководящими работой иеговистских организаций в одной или группе смежных стран. Так называемый краевой комитет иеговистской подпольной организации в Советском Союзе непосредственно подчинен «бюро Восточноевропейской зоны», находящемуся в Польше, а также активно поддерживается «бюро Среднеевропейской зоны», которое находится в Висбадене (Западная Германия). «Краевой комитет» состоит из небольшой, глубоко законспирированной группы проповедников-профессионалов, имеющих большой опыт нелегальной политической работы. Члены «краевого комитета» нелегально разъезжают по стране, организуя деятельность иеговистских организаций на местах. Далее структура иеговистской организации имеет следующие формы. «Краевому комитету» подчиняются два окружных зональных «центра» – западный и восточный, на которые разделена территория Советского Союза. Каждому «центру» подчиняются так называемые стрелы, или обводы, объединяющие «свидетелей Иеговы», проживающих в одной или нескольких областях. «Стрелам» подчиняются «отделы», осуществляющие руководство «свидетелями Иеговы» одного или нескольких районов. «Отделы», в свою очередь, состоят из «групп», объединяющих низовые кружки («килки») иеговистов одного или нескольких населенных пунктов. Все «килки», «группы», «отделы», «стрелы» и окружные зональные «центры» возглавляются более или менее опытными организаторами со значительным стажем подпольной работы – так называемыми слугами. Члены «краевого комитета» считаются высшими «слугами» «свидетелей Иеговы». «Слуга» нижестоящей организации имеет связь со «службой» только первой вышестоящей. Но чаще всего он не знает ни имени, ни фамилии своего вышестоящего «службы», так как связь осуществляется преимущественно через «пионеров» (курьеров), называемых «слугами святой охраны». «Пионеры» – особо привилегированные и преданные иеговисты, в совершенстве постигшие искусство конспирации, тщательно оберегаемые и щедро оплачиваемые люди.

³ Цыб Н.Д. – активный иеговистский организатор, бывший руководитель «краевого комитета». В 1946 году с санкции бруклинского центра был перебросен из Польши в СССР под видом репатрианта. Арестован в 1952 году.

общество. Тут и уверовал. Кто я да что я – таиться не стал. В этом только спасение мое было. И не ошибся. Обнюхивали меня несколько месяцев с разных сторон какие-то люди – то очкастые, то лысые, то старые, то молодые. И оказался я... в самой Америке, в городе Нью-Йорке, в Гнилом Аду.

Пистимея непонимающе взмахнула ресницами.

– Это мы так про себя звали духовное заведение, в котором я стал учиться. По-настоящему оно называется «Библейская школа башни стражи Гилеад». По правде если сказать, не знаю, отчего ее прозвали Гнилым Адом. Жили мы райски. Может, больше и не придется так пожить. Сам господин Натан Кнорр⁴ лекции там почитывал. Да... а потом меня перебросили в Польшу – там есть такое бюро Восточноевропейской зоны, которому подчинен российский Краевой комитет. А из Польши меня уж тайным путем через границу в Россию перебросили, в этот самый комитет, под начало Николая Цыбы... Очутясь в России, я первым делом тебе весточку. С тех пор вот и служу, вот и езжу по долам и весям. Давненько собирался сюда, в родные места, да все недосуг. И потом – боязно все-таки. Сколько лет прошло, а вдруг да кто признает ненароком. На свет уж носу не показываю.

– И все-таки... зря, может, – чуть поежилась Пистимея. – Не надо бы, может, приезжать. Если нужда какая, пионеры есть.

– Нет, надо! – чуть погромче проговорил Демид и легонько пристукнул ладонью по столу. – Отчеты твои мы всегда получали регулярно и, говорю, много довольны были. Но, должен сказать, вместе с тем твои отчеты все-таки легковаты всегда. Мало изучаете с братьями и сестрами нашей духовной литературы, а ведь мы ее посылаем вам в достатке и регулярно. Совсем почти не приобщили за последние годы к святой армии великого Иеговы новых людей... Да и отчеты стали поступать все реже... Сдавать ты стала, Пистимея...

Пистимея слушала, поблескивая глазами, обиженно поджав губы.

– Я не в одного Иегову верю. У меня и баптисты, и пятидесятники, и адвентисты... и другие. Собственный муж вот, например. На всех надо время. Назначайте другого слугой отдела. У меня и без того дел хватает. Как и без вас, до самого сорок девятого года хватало. Тут у нас, слышала, объявились истинно православные христиане. Надо будет понюхать, что за люди. Это мне ближе. Я ведь как-никак из православных была...

– Ну, обиделась... – помягче сказал Демид. – Негоже нам так-то... И другого не будем назначать. У тебя связи, опыт...

Демид встал, вышел в соседнюю комнату, принес пачку журналов и брошюр, положил возле себя на стол.

– Видишь ли, Пистимея, – негромко начал он, – и нам, свидетелям Иеговы, все другие... все братья и сестры других вероучений тоже недалеко. В конце концов, все они Христа в душе носят, его слова памятуя: «Кто не со мною, тот против меня», – все служат Богу. И всех надо действительно поощрять, поддерживать и... направлять. Направлять. И вот здесь-то я и хотел бы кое о чем серьезно потолковать с тобой, для этого и вызвал. Мы не должны сейчас упускать из-под своего влияния ни одного человека, ни одного не должны терять. А практика показала – баптисты, адвентисты седьмого дня, истинно православные христиане, даже пятидесятники и хлысты чаще и... легче, что ли, поддаются мирским соблазнам, уходят из сект. Наша организация возвестителей царства Божия, благословенная самим Иисусом Христом...

– Говорил бы попроще, как в прежние времена, – поморщилась Пистимея. – Ведь мы одни. А пышные слова для сегодняшней проповеди побереги.

Демид глянул на Пистимею, кивнул удовлетворенно:

– И верно. Так вот, секта иеговистов, как говорят у нас в советских газетах и журналах, самая реакционная... Люди из нашей секты выходят редко, потому что... Ну, сперва, может, и

⁴ К н о р р Н.Г. – президент Международного общества свидетелей Иеговы.

верят многие нашему учению, а потом... потом просто бояться. Шутка ли – состоять в антисоветской политической организации. Так вот, Пистимея, надо этот страх у всех искусно подогревать, укреплять. А людей из других сект надо стараться перетаскивать в наше Общество свидетелей. Это сейчас будет твоей главной заботой.

– Да перетягиваю, сколь сил хватает. Та же Зинка Никулина ведь недавно еще у хлыстов была.

– Знаю, как же... Я говорю – еще порасторопней теперь нам работать надо, и всех, кого только можно...

Демид поглядел в выцветшие глаза Пистимеи, стараясь прочесть, как она воспринимает его слова. Но глаза старухи ничего не выражали. И вся она сидела бесстрастная и холодная, как камень.

– Ведь почему краевой комитет озабочен этим? – продолжал Демид. – В последние годы мы понесли большой урон. Арестовали Николая Цыбу и его первого помощника Марию Вертельник, выследили много других членов краевого комитета. Я вот не знаю, как, каким чудом еще цел. Совсем уж недавно провалились стрелы в Закарпатской, Львовской областях, в Молдавии, на Севере. В Воркуте разгромили наши теократические курсы⁵. Да и вокруг вас тут... неважные дела. Вскрыты многие наши организации на Алтае, в Томске, в Иркутской области. Там у нас своя типография была. Да, пропала типография, людей поарестовали... Хорошие кадры свои потеряли. Надо пополнять. Я за тебя, признаться, боялся... ничего, Бог пронес...

Демид из лежащей перед ним стопки взял тонкую брошюрку в невзрачной серой обложке, задумчиво полистал, не глядя в нее, и захлопнул. На ее обложке Пистимея прочла: «Организационные указания для возвестителей царства. Издатель: „Вата Товер Библе анд трант соцет. Бруклин. Нью-Йорк, США”».

– Вот такие у нас дела, Пистимея, – проговорил Демид, втянул нижнюю губу в рот и принялся сосать. – Вот почему сейчас нам нужно оживить как только можно работу всех низовых групп и клок. Это сейчас наша главная задача... Да ты об этом письмо получала.

И снова принялся за губу. «Господи, чего это он, где научился?» – подумала брезгливо Пистимея.

– Как же, получала... Кое-чего сделала. И... раскрыли несколько кружков. На Исидора Уварова вон дело в суд, говорят, передали.

– Ну, судить его не будут... Поманежат да отпустят. У них... хе-хе... гуманность. Одурманенный, мол, человек... Другое дело – нас бы с тобой застукали...

Пистимея снова поежилась, и Демид заметил это.

– Да, наше дело уж такое! – строго сказал он. – Гуманностью ихней нам надо пользоваться как можно шире. Это раз. И второе – надо сейчас еще глубже уйти в подполье. Как можно глубже – в этом спасение организации... и лично наше с тобой. У курьеров твоих пароли есть?

– Да какие пароли? С Богом придут, с Богом уйдут.

– Вот то-то и оно. Плохо это дело у тебя поставлено. Сейчас мы пересматриваем всю систему святой охраны. Пионерами назначим новых, особо проверенных и перепроверенных слуг. Приходить к тебе будут теперь всегда новые, незнакомые люди. Не только нищие, но в любом одеянии и обличье. Пароль для руководителей отделов – по евангелиям. Ну-ка, откуда это: «Ибо многие придут под именем моим и будут говорить: „Я Христос“, – и многих прельстят»?

Пистимея чуточку подумала.

– Из Матфея, глава двадцать четвертая, стих пятый.

⁵ Воркутинские теократические курсы – бывшая подпольная школа для подготовки иеговистских проповедников. В течение некоторого времени на этих курсах регулярно обучалось по 35 человек. Курсы действовали по программе, полученной из Западной Германии.

– Верно. Так вот, от двадцати четырех отнять пять – сколько будет?

– Девятнадцать.

– А если к пяти прибавить последнюю цифру главы?

– Глава двадцать четвертая... Четыре к пяти – девять выходит.

– Значит, с этим паролем наш курьер придет к тебе только в девятый месяц года, то есть в сентябре, и только девятнадцатого числа. В любой другой день незнакомый человек скажет тебе другой стих. А ты уж высчитывай, сопоставляй со днем и месяцем. Сойдется все – только тогда приглашай и открывайся.

– Господи! Какие премудрости на старости лет, – вздохнула Пистимея.

– Трудновато, – согласился Демид. – Да ведь нужда заставляет. Для курьеров от слуги отдела к слугам групп полегче – без этих прибавлений и отниманий. Далее, все эти «мамы», «Яны», «пекарни», «овощи»⁶ отменяются. Теперь... в общем, вот тебе новая инструкция – очень секретный документ, – протянул Демид брошюрку в серой обложке. – В ней новый шифр. Если что, сожги, сжуй... словом, что хочешь сделай, но чтоб не попала в руки кому не следует. Дается на месяц. Заучить все на память. Ровно через месяц, день в день, за ней придут. Не дай бог, если потеряется! – зловеще предупредил Демид.

Пистимея взяла брошюрку, спрятала на груди. Демид пододвинул к ней всю остальную стопку.

– Вот свежие журналы «Башня стражи» и другая литература. Журналы, как прежде, размножать только от руки. И – изучать, изучать на студиях. Вообще, говорю, как можно больше усилить проповедническую работу. Главная цель ее – чтоб братья и сестры под разными предлогами, как Исидор Уваров, отказывались выполнять советские законы, уходили от мирских соблазнов, от всяких мирских дел – собрания, выборов, службы в армии. Убеждать, что все это грех. И вдалбливать, не жалея сил и времени, что армагеддон близок, что Иисус Христос уже помечает невидимым крестом мучеников за веру христианскую, помечает тех, кого за верную службу Иегова возьмет с собой в свое справедливое райское царство, остальных же испепелит в прах... В общем – в «Указаниях» все написано. А теперь...

Демид встал. Пистимея тоже поднялась.

– Поговорил бы еще с тобой – ведь столько лет не виделись, и бог знает, увидимся ли, – да время дорого. Ступай... Серафима. С Устином я еще поговорю. Ну... долгих лет тебе.

И, глубоко втянув нижнюю губу в рот, принялся громко сосать ее, глядя на Пистимею выпуклыми глазами.

Сосал и глядел до тех пор, пока Пистимея не вышла.

А в это время Устин лежал в постели, смотрел в угол потолка и пытался сообразить: уснул он хоть на минуту в эту ночь или нет? Ночь, оказывается, прошла, а ведь он вроде только-только сомкнул уставшие веки, за которые кто-то словно песочка насыпал.

Угол был густо затянут паутиной. В центре паутины висела огромная высохшая зеленая муха. Паук, видимо, давно, может быть, еще в середине лета, высосал из мухи всю кровь...

В комнату лился голубоватый утренний свет. Устин зачем-то тщательно осмотрел весь потолок и в каждом углу обнаружил огромные, почерневшие от пыли паучьи гнезда. «Да они что, год не убирали в этой комнате?» – удивился Морозов.

В дверь постучали, но Устин не ответил. Он спустил с кровати ноги, сел. Весь пол был усыпан листками из Демидовой папки. Вчера, после того как ушел Демид, Устин хотел своими глазами почитать один-два листочка, хотел убедиться, действительно ли там написано то самое,

⁶ Иеговисты в переписке между собой, в отчетных документах, регулярно пересылаемых в вышестоящие инстанции, пользуются различными шифрами. Например, «мама» обозначает «краевой комитет» или любой другой руководящий орган. «Ян» – журнал «Башня стражи», «пекарня» – нелегальная типография, «овощи» – отчет о деятельности иеговистов и т. д. Шифры систематически меняются.

что читал Демид. Он взял один листочек, пробежал глазами, взял второй, третий... И прочитал их все, один за другим, до последнего.

Папка была удивительная. «Не надо было вчера Демиду тратить весь вечер на разговоры, – горько усмехнулся про себя Устин, – не надо было Пистимее везти меня сюда. Надо было просто переслать мне эту папку с одним из них...»

Газетные и журнальные вырезки были подобраны с поразительной ловкостью. Устин прочитывал их одну за другой и в самом деле видел, понимал, физически ощущал, как из пепла поднималась Западная Германия, как она встала на колени, потом на одну ногу, затем на обе. Встала, начала выпрямляться, вытягиваться во весь рост. Первую скрипку во всем играла Америка. Еще в советских газетах провозглашались лозунги и здравицы в честь великой исторической дружбы русского и американского народов, а американский посол в Москве, какой-то Джордж Кеннан (черт его знает, что это за Джордж, он, Устин, никогда не слыхал о нем) уже в письме в американский государственный департамент потребовал прекратить сотрудничество военного времени с Советским Союзом, потребовал политики сдерживания коммунизма и в конце концов уничтожения его. Уничтожения! И это случилось всего через восемь месяцев после окончания войны. А еще через месяц Черчилль (кто такой Черчилль, он, Устин Морозов, знал) открыто заявил об этом в речи в американском городе Фултоне. А через полгода американский государственный секретарь Джеймс Бернс потребовал объединения Германии. Вот оно откуда началось-то! И затем в вырезках Демида огромнейшие цифры расходов на возрождение германского государства, германской военной мощи, убедительные факты, удивительные по своей прямоте речи американских, английских, французских, немецких генералов, президентов, премьер-министров, канцлеров. Возмущенные статьи советских газет в ответ на эти речи, на действия западных держав. И снова цифры, снова факты, снова речи. Вот западногерманский канцлер Аденауэр заявляет, что СССР, «по сути дела, является нашим смертельным врагом». Его военный министр Штраус прямо на заседании правительства высказался, что ему известен только один военный план – «красный», то есть план войны против Советского Союза. И наконец, в советской газете черным по белому написано: «Реваншистские планы западногерманских правящих кругов преследуют следующие основные цели: 1) насильственное присоединение Германской Демократической Республики к Федеративной Республике Германии; 2) восстановление германских границ 1937 года; 3) захват других стран Центральной и Юго-Восточной Европы и восстановление Германской империи как государства, играющего решающую роль в Европе...»

Устин читал обо всем этом и явственно слышал голос Филиппа Меньшикова: «Россия – большая, на одной стороне ночь, на другой день. А мир еще больше, вот что. А разве может мир терпеть такую несправедливость?»

«Не может... Не может!» – гудело в голове Устина всю ночь. И, кажется, всю ночь он про себя так же горько и тяжело усмехался чему-то.

Второй раз послышался стук в дверь. Устин собрал листочки, рассыпанные по полу, сложил их в папку и крикнул:

– Ну кто там ни свет ни заря?

Дверь приоткрылась, вошла Пистимея.

– Вот она, голубушка, – нахмурил брови Устин.

– Всю ноченьку молилась... за выздоровление твое, Устинушка. – И Пистимея скорбно поджала губы.

– Вот как? – насмешливо сказал Устин.

– Ага... Утро, рассвело уже, собирайся. Я к Марфе побежала, а ты не мешкай тут, Устинушка. Ехать надо ведь нам...

– Ступай. Приду, – коротко бросил Устин.

Пистимея ушла. Морозов не спеша оделся. Одеваясь, не заметил, не слышал, как вошел Меньшиков.

Демид сел на то же место, где сидел вчера.

– Значит, так, Устин, – сказал он, поглаживая папку. – Ты поедешь сейчас домой. Захару скажешь – был припадок. Перепил, мол, горячка ихватила. Пистимея действительно не зря тебя в больницу повезла: это поможет тебе... отвязаться от всяких подозрений. Да смотри теперь у меня!

Устану почему-то показалось, что над его головой болтается паук. Но глянуть наверх побоялся.

– Заниматься будешь тем же, – продолжал Демид. – Только осторожнее, тоньше. С бригадиров-то, наверное, снимут тебя теперь.

– Должно быть.

– Ну, это ничего. Заниматься, говорю, тем же будешь. Я свой вклад делаю... для этого вот... – Демид легонько хлопнул по папке. – Зинку вот сам видел. Не будет, поди, если начнется что, мосты взрывать, как...

– Как кто?

– В кино-то ходишь, поди? Видел, однако, как такие вот... соплюхи эшелоны с немецкими солдатами под откос пускали. Так вот... чтоб не пускали – ты и... В общем, я делаю свой вклад, и ты делай свой. Поплотнее молодежью-то занимайся. Внучка этой Вороновой Марьи... как ее?..

– Шатрова Иринка.

– Вот-вот! Эта не только эшелоны под откос спускать будет. Эта... эта... – Демид не нашел подходящего выражения и замолчал. – Эта еще похлеще вырастет. Чего на нее смотреть?

– Я не смотрю.

– А чего же она у тебя, говорят, ходит, будто в радости выкупанная? – Демид заворочал своими круглыми глазами. – И этой по сердцу надо чем-то, чтоб заизвивалась от боли, чтоб вместо воздуха горстями жгучий перец заглатывала.

– Боюсь я, – выдавил из себя через силу Устин. – Не ее – Анисима боюсь. Он, змей ехидный, глаз с меня не спускает. Если что, так сразу меня...

– Боишься? – Демид встал, подошел к Морозову. – Боишься?! Да ведь по-всякому можно. Хитра лиса, да хитрей охотник.

– Тебе хорошо тут... руководить да присказки всякие вспоминать. А меня... Позавчера, например, Фрол Курганов случайно – ишь ты, совсем случайно! – наткнулся в поле на припрятанные стожки сена. Пустяк вроде, а меня оглушило, как палкой по башке. Когда Смирнова отвозил, еще один удар: «Объясни мне весь твой разговор с Кургановым у конюшни. Всю махинацию с этим сеном в Пихтовой пади объясни...» А как я объяснять буду? Вчерашней ночью – третий удар. Снова от Фролки Курганова: «Подгниют корешки-то... упадет дерево». Тебе-то не понять, может, о чем он намекает, а я знаю... Тут уж от этого удара искры из глаз посыпались, в глазах потемнело... Да что там первый, второй, третий! Чего их считать, удары! Разве их пересчитаешь, коль сыплются они в последнее время справа, слева, спереди, сзади – не успеваешь поворачиваться. А порой, говорю, даже и не знаешь, откуда они, с какой стороны... Даже племянница твоя разлюбезная, Наташка... Знаешь, поди, как у меня с ней. Пистимея, должно, в курсе держала... Бойтся она, а нет нет да и полоснет глазами. А время-то идет... А ну, как расклеит рот? Или тот же Анисим Шатров! Этот ничего вроде и знать-то не должен, а ведь... И этот вчера заухмылялся слюняво прямо в морду Илюшке Юргину: «У тебя, однако, макушка-то давно острижена, одни усы остались». Тоже прибауточка, а к чему она? Да и сам Илюшка, мешочник мокрогубый, окрысился на меня: «Но, но, на равных ведь играем!» На равных! Вон как заговорил! Понятно? Вот и боюсь. Вот и... жду... со дня на день...

Демид слушал Устина терпеливо, не перебивая. Это почему-то начало успокаивать Устину, он говорил постепенно все тише и тише и, наконец, умолк, как-то даже недоуменно поглядывая то на Демида, то в сторону.

Меньшиков проговорил спокойно, без всякой укоризны в голосе:

– Это ты верно, Устин... Мне тут и спокойно, и безопасно. Тепло, светло, мухи не кусают.

– Да я что... я, конечно, понимаю. А все же вот... Конечно, делаю кое-что...

– Что?

– Ну, с Шатровой этой же... К Митьке Курганову она вроде... того... Румянец во всю щеку вскипает, как Митька подойдет. Я на Митьку – Варьку, дочь свою... Митька неразборчивый... он...

Демид вернулся к столу, сел на прежнее место.

– Что же... это ничего, пожалуй... давай и дальше... так. Потихонечку пока. А там видно будет. Придет время – мы ей глазищи-то выдавим, как бабушке... И еще там один подрастает вроде – Захаркин выродок.

– Мишка? Он приемный у него.

– Какая нам разница! Тут с ним так надо придумать, чтобы сразу двух зайцев убить: и самому мозги набекрень свернуть, и Захар чтоб взвыл от горя... Об Егорке подумай. Самого Митьку не забывай. И Клашку, Зинкину сестру.

– С Митькой тоже не очень. Фрол-то ведь...

– Ладно, с Фролом я, между прочим, сам собираюсь поговорить... Вот уж обрадуется он встрече. Да и... с племянницей родимой надо бы. Погляжу, как тут дела у меня сложатся. Шибко охота поговорить с ней. – И Демид втянул нижнюю губу в рот. Потом он взял со стола папку, покачал ее, точно определяя на вес. – А это... возьми на всякий случай...

Устин взял папку, подумал о чем-то.

– Ну что ты? – резко спросил Демид.

– Да вот, думаю, – невесело промолвил Устин. – Вроде только приехал, а об колхозных людях, об моих... делах в курсе уж. Откуда это обо всем так подробно знаешь? Пистимея, что ли, растолковала?

– Вот еще забота тебе!

– Да это-то верно. Что ж... поеду. Прощай.

– Зачем прощаться? До свидания, пожалуй. И само собой: об нашей встрече чтоб никому, даже Тараске... то бишь Илюшке Юргину... чтоб ни намека, ни полнамека...

Устин мелкими шажками, как бы нехотя, шел к двери. Шел-шел и остановился.

– Чего тебе еще? – отрывисто спросил Демид.

– Да подумал вдруг... Зинка-то признала меня. Не опасно?

Демид только усмехнулся в ответ.

– Ну да, ну да... – промолвил Устин.

– Ступай с Богом.

– Ага... – А сам, однако, медлил, думал о чем-то, соображал что-то. Демид ждал, измеряя его насмешливым взглядом. И потому, что Устин молчал, спросил:

– Ну, еще чего опасаться?

– А ты не смейся, Демид, – жалобно попросил Морозов. – А ну как редактор этот... Смирнов...

– Что – Смирнов?

– Да запомнил ведь, однако, что я в горячке вывалил ему...

– Не будешь болтать, чего не положено!

– Демид! – взмолился Устин. – Но ведь он... если...

– А я что сделаю, если он – «если»? – свирепо закричал Демид.

Морозов топтался у двери, опустив голову.

– Сделать-то можно, однако... Сердце у него на последних оборотах чихает...

– Ну и что?

– Много ли надо, чтоб остановилось...

Демид вплотную подошел к Морозову:

– Ты чего это? Ты соображаешь, чем это может кончиться?

– Так это – как сделать... Зинка вон ко мне в постель ложилась. Она еще в газете, кажись, работает.

– Ну... – Демид шага на два отступил от Устина.

– Чего «ну»? А у нее ребенок от кого-то был. Должно, от Митьки Курганова.

– Так что же ты советуешь? К Смирнову, что ли, в постель положить ее? Она-то легла бы, да он не пустит.

Устин шумно выдохнул воздух.

– Зачем ее класть? Пусть напишет в райком заявление, что уже лежала. Смирнов едва услышит об таком заявлении – задохнется. Должен задохнуться. Гнилой он. Сердце-то сразу вспухнет да и лопнет... Вот тебе и...

– Та-ак... Смотри-ка, а?... – промолвил Демид не столько удивленно, сколько насмешливо. – А я-то думал, что только я один умный...

Демид отвернулся к окну и долго смотрел на глухой заснеженный забор. Устин терпеливо ждал, прижимая к животу папку.

– Ладно, Устин. Обдумаю, – сказал наконец Демид, не оборачиваясь. – Иди, скоро солнце встанет. Путь вам не ближний.

Однако Устин не двинулся с места. Он лишь взялся за дверную скобку.

– Только это ведь сегодня же надо! Ведь как можно скорей надо! – умоляюще проговорил он.

– Да я же сказал – обдумаю! – крикнул Демид и на этот раз не обернулся. – Ступай.

Устин был уверен, что Демид опять сосет свою нижнюю губу. С этой мыслью он вышел.

Глава 28

А в эти два дня, пока Устин Морозов бревном лежал дома на кровати и вспоминал прошлое, а потом вместе с женой ездил в Озерки, жизнь в Зеленем Доле шла своим чередом.

Сено из Пихтовой пади вывезли не за два, за один день. В тот же вечер, когда привезли первые три воза, Егор Кузьмин попросил Моторина к утру сделать тракторную волокушу.

– Делай наскоро, только чтобы пару рейсов выдержала, – сказал он.

– Да сгорит, что ли, оно, сено-то? – заворчали плотники, которым очень не хотелось тюкать топорами целую ночь. – Подводами вывезли бы потихоньку.

– Сказано делать – делайте! – повысил голос Егор.

И Захар Большаков одобрил его распоряжение. Конечно, можно было вывезти и подводами. Но Захару, уже хлебнувшему досыта от бескормицы, хотелось как можно скорее сено, свалившееся прямо с неба, перевезти к фермам. «Мало ли что может случиться послезавтра, даже завтра, – думал он, тревожно прислушиваясь, как ноет искалеченная когда-то Меньшиковым рука. – Однако пурга вот-вот задует. Да вдруг на неделю, а то и на две...»

Волокуша была готова к утру. Большаков приказал одному из трактористов заводить трактор.

Митька же почти всю ночь проворочался без сна. Утром встал разбитый, раздраженный.

Плохое настроение не покидало Митьку с тех пор, как Ирина Шатрова, прыгая со скирды, отказалась от его услуг, с той минуты, когда она в ответ на его шутливое предложение: «Зарывайся тогда в сено. Там тепло», – насмешливо, даже ядовито сказала, явно намекая на Варьку Морозову, которую вместе с ним привалило пластом сена: «Да уж ты-то знаешь, тепло или холодно».

Митька сознавал, что злится в общем-то по пустякам. Но оттого, что понимал это, раздражался все более и более.

А в ушах звенел и звенел насмешливый девичий голосок: «Да уж ты-то знаешь, тепло или холодно... Ты-то знаешь...» Черт, будто кто записал Иринкин голос на пленку и теперь крутил и крутил без конца магнитофон.

«Подумаешь... Принцесса зеленодольская!» – как и там, возле скирды, сказал наконец самому себе Митька и стал размышлять, как ему теперь вести себя с Ириной. Конечно, другой бы на его месте об этих Иринкиных словах давно и думать забыл, не придавал бы им значения. Но Митька не таков. Он чувствовал себя глубоко обиженным. Ведь он, Дмитрий Курганов, уже давненько всячески выказывает этой девчонке свое расположение, а она хоть бы что... Более того, она начинает с ним держаться все холоднее, все высокомернее...

Конечно, Митька мог бы отомстить кому угодно. Уж он бы расплатился со своим обидчиком так, что тот помнил бы до самой смерти, что люди потешались бы над ним долго, очень долго. Но здесь случай особый...

С распухшей головой Митька пошел в мастерскую.

К обеду он приплелся к ферме («Зачем-то», – как рассказывала Варька Морозова отцу). Туда из Пихтовой пади притащили уже первую волокушу – целых полтора стога. Ирина снова стояла на вершине длинного замета, принимала и укладывала вместе с Клавдией Никулиной сено. Она бросила сверху на Митьку уничтожающий взгляд, облила его гордым презрением. Этого Митька выдержать уже не мог. Он должен отомстить ей немедленно, сейчас же! Но как, как?

Филимон Колесников, Андрон Овчинников и еще несколько человек хлопотали вокруг волокуши, развязывали веревки. У скирды стояла одна Варька Морозова и почему-то ожидающе глядела на Митьку. Он закурил папиросу, но со злостью растоптал ее и шагнул к Варьке. Та быстро глянула по сторонам. Потом дразняще улыбнулась, попятилась за скирду...

Митька догнал ее в три прыжка, схватил за плечи, рванул к себе. Варькины влажные губы скривились, как от боли, она вскрикнула... Варвара вся дышала жаром, только ее мягкие губы были почему-то холодными и горьковатыми. Потом она оттолкнула Митьку и, тяжело дыша, простонала:

– Хватит! Хватит!

Больше Митька ничего и не хотел. Он задрал голову кверху, надеясь увидеть Ирину. Она стояла, отвернувшись, тоскливо сгорбившись. («Должна была увидеть, не слепая же...» – отвечала потом Варька на подробные расспросы отца). Сверху на Митьку строго и испуганно смотрела лишь Клавдия. И Митьке стало вдруг стыдно. Но он крикнул:

– Ну, чего ты? А то спускайся, если хочешь...

– Дур-рак! – кажется, проговорила Клавдия. Он не расслышал, только видел, как пошевелились ее губы.

Митька как побитый ушел обратно в мастерскую. На следующий день Захар Большаков снова заставил его дометывать привезенное вчера сено.

– Что я, стогомет штатный? – запротестовал Митька. – Я тракторист все-таки. Надо вон еще снежные валы нарезать на пятом поле. Везде нарезали, а там чего же? Гляди, последние бураны ударят вот-вот...

– Ладно, ладно! Раскритиковался! – остановил его Захар. – До обеда помечешь сено, а потом цепляй снегопах – и айда...

Митьке очень не хотелось метать сено. Там, наверное, опять будет Ирина. Он, само собой, не жалел, конечно, о том, что сделал. Но все же встречаться с ней сегодня не хотел бы.

Однако Ирины ни на скирде, ни возле скирды не было.

До обеда Митька с остервенением работал вилами.

Возле скирды трижды появлялся Фрол Курганов. И каждый раз он, кажется, хотел кому-то что-то сказать, но, постояв молча, уходил, сутулясь. Клавдия незаметно глядела ему вслед.

Перед самым обедом пожаловал Анисим Шатров. Он остановился метрах в пяти от Митьки, положил обе руки на костыль, смерил его из-под бровей задумчивым взглядом. Митьке это тоже не понравилось, и он спросил:

– Как, папаша, все в государстве в порядке?

Анисим ничего не ответил насмешнику, а спросил у Варьки:

– Отец что, в больницу уехал?

– Уехал. Тебе что?

– Ничего. Когда вернется-то?

– А я откуда знаю?

– Ну, ну...

И повернувшись, пошел, тыкая костылем в снег. Клавдия Никулина сняла платок, стряхнула с него сенную труху. Волосы у нее взмокли, слиплись беспорядочными прядями.

– Жарковато? – спросил Митька.

– Ничего, мне силы девать все равно некуда.

Митька даже чуть смутился от такого ответа. И, может, поэтому спросил то, о чем не хотел спрашивать:

– А куда делся сегодня телячий воспитатель?

Клавдия не спеша повязала платок. Потом губы ее пошевелились точно так же, как вчера, и он услышал:

– Дур-рак...

– Она что, сама видела вчера или ты ей рассказала?

Никулина закинула вилы на плечо и пошла прочь. Это окончательно взорвало Митьку, и он закричал:

– Ну так передай ей... Передай, что Митька извиняться придет... На коленях, мол, обещался приползти!

Тогда Клавдия вернулась, подошла близко-близко и сняла с плеча вилы. Поглядев прямо ему в глаза, тихо спросила:

– А если в самом деле придется... ползти?

– Мне-то?

– Тебе-то. Да если еще за счастье сочтешь, что позволит... приползти?

– Эт-то я-то? За счастье? Вот что... Вот что я тебе скажу! – Он кинул в рот папиросу. – А ты это ей скажи... Таких-то, как она, – я видывал уже... таких – пучок на пяточок... Да и то в базарный день. А посреди недели – еще дешевле...

Заиндевевшие Клашкины ресницы качнулись, и в усталых глазах немолодой женщины расплескалась печаль.

– Нет, Митя, – грустно сказала она. – Может, ты видывал каких-нибудь. А таких еще не видел.

– Я-то?! – еще раз воскликнул Митька, искренне удивляясь ее словам.

– Ага, ты. Не приходилось тебе еще таких видеть. По простоте наивной она не верит... или не верила, что сын у Зины от тебя. Сплетни, говорит, все это. А вчера, глядя на тебя с Варькой... Что рот раскрыл? Папироса, гляди, выпадет.

Папироса не выпала, Митька сам ее выдернул изо рта. Выдернул, хотел отбросить прочь, но вместо этого снова сунул в зубы.

– Значит... значит, вчера... Ты гляди, догадливая какая...

И Митька неестественно рассмеялся.

Клавдия в упор поглядела на него, произнесла:

– А тут вроде и догадываться нечего.

И она пошла к своему дому.

– Нет, ты погоди! – рванулся было за ней Митька. – Ты объясни... с чего это все же она.

Клавдия опять приостановилась. Она хотела было рассказать, как вчера Ирина, когда Митька ушел от скирды, уткнулась ей в грудь и, рыдая, прошептала: «Да ведь не сплетни это про него... Раз он так... так может...» Она хотела рассказать, как Ирина, не в силах держаться уже на ногах, сползла по ее груди вниз, упала в сено, зарыла в него лицо, закрыла, точно от ударов, голову руками, когда Клавдия произнесла всего три слова: «Наверное, не сплетни, Ирушка...» Но вместо всего этого сказала:

– Э-эх! Да ты все равно не поймешь.

И отвернулась.

Митька постоял недвижимо, глядя вслед Клавдии. Затем швырнул под ноги так и не зажженную папиросу и побежал к мастерским, где стояли тракторы.

Домой Митька заехал на минутку, схватил ломоть хлеба, откусил раза два, остальное сунул в карман.

– Митя! Митенька! – попробовала остановить его Степанида. – Ты пообедай по-человечески. Вчера не поел как следует и сегодня... Да что же это такое! Не пропадет она, ваша работа...

– Не лезь ты, мать! – крикнул Митька. – Ты мне лучше объясни, объясни...

– Да чего тебе объяснить?

– А то... про Зинку объясни! Не ты говорила мне: «Об Зинке с ее дитем не печалься. Сюда она не вернется, уж я позабочусь...»

– Так не возвратилась пока. И не приедет, насколько я знаю.

– А про ребенка... Что он... Опять же ты говорила: «Уж я сделаю, не узнают люди, чей он... Так сделаю, что, если и сама признается, не поверят ей...»

– Митенька, Митенька! И сделала. Да что стряслось-то?

– А-а... – отмахнулся Митька и выскочил из избы.

...До позднего вечера он гонял трактор взад и вперед по огромному полю, нарезая снегопахом глубокие борозды. Вернувшись домой, ни слова не говоря, бухнулся в постель.

...Утром тоже встал молча. На кухне плеснул в лицо холодной воды. И только вытираясь мохнатым полотенцем, усмехнулся про себя: «Догадываешься, значит? Не видывал я таких? Дурак Митька, значит? Ладно, Митька, будь дураком, да не простаком. Так частенько говаривает мать. Что же, если подумать – правильные слова...»

Он взял с подоконника кринку молока, накрытую блюдечком, поболтал и выпил чуть не половину. И, насвистывая, стал одеваться.

Степанида вышла из своей комнаты, заспанная, разлохмаченная, с красными рубцами на щеке.

– Ты куда, сынок, в такую рань? – спросила она, придерживая одной рукой кофточку на груди, другой приглаживая волосы.

– Пойду пробежусь на лыжах по морозцу. Разомнусь.

Морозный воздух был сух и свирепо обжигал горло. За ночь на снега, на крыши домов, на заиндевелые деревья осыпалось много звездной пыли. Эта искрящаяся пыль толстым слоем лежала и на укатанной деревенской улице. Вzbивая ее лыжами, Митька побежал за околицу.

Тут он остановился, поглядел на Марьин утес. Звездная пыль сверкала и на осокоре, и на отвесной стене утеса. Но здесь она горела не тем серебристым блеском, как повсюду, а вспыхивала и переливалась цветными кругами – то голубоватыми, то розовыми, то сине-фиолетовыми.

Митька давно привык к этому удивительному свечению утеса и сейчас отметил только равнодушно: значит, скоро взойдет солнце.

Издали, еле слышимый, донесся паровозный гудок. Митьке почудилось даже, что он улавливает перестук колес по рельсам. Он перестал дышать, напряг слух – и точно: где-то шел поезд. Мерзлые рельсы были особенно звонки, колкий морозный воздух особенно хорошо проводил звуки – и певучий звон долетел сюда, к Марьиному утесу. Митька даже позавидовал утесу, который слушает каждый день эту музыку, и стал думать о Лене-Елене, о маленьком докторе станционного медпункта. Он вспоминал, как сидел в ее кабинетике на клеенчатой кушетке, а она откинулась на спинку стула, голова ее оказалась в полосе солнечного света. И заискрились ее волосы, пронизанные этим светом, а весь профиль лица – лоб, нос, губы и подбородок – очертила золотисто-розовая каемка...

«Значит, не придется мне никогда видеть таких? Не придется?!» – со злорадством спрашивал он не то самого себя, не то Клавдию Никулину.

Он с силой оттолкнулся палками и крупным, размашистым шагом заскользил по дороге, которая вела на станцию.

Станция была тихой, безлюдной. Маленькие домишки наперебой дымили трубами, и этот дым, поднимаясь в небо, застилал вставшее около часа назад солнце.

В медпункте никого не было, кроме низенькой и полной рыжеволосой женщины лет пятидесяти, в зеленом халате. Женщина, вероятно уборщица, протирала тряпкой стеклянный шкафчик с разнокалиберными пузырьками.

– Куда? – крикнула она ввалившемуся Митьке. – Рано еще...

Митька хмыкнул и спросил:

– А ежели вот... помрет человек от болезни?

– Черт его не возьмет, поди, за полчаса-то, – отрезала женщина и полезла в шкафчик.

Митька еще раз хмыкнул и неуклюже повернулся к двери.

– Куда? – опять крикнула женщина. – Пришел – жди. Сядь вон там, на табуретку. С температурой, что ли?

– Ага, с температурой, – промямлил Митька.

– То-то, гляжу, потный весь. На вот градусник пока. – Женщина взяла из стакана, стоящего в шкафчике, термометр, подала Митьке. Тот сунул его под мышку, уселся на табурет.

Женщина стала протирать спинку кровати, на которой позавчера лежал Смирнов.

– И что за больные только нынче пошли! – пожаловалась она. – Тот нервный, другой нервный... слово прямо нельзя сказать. Ты вот тоже – сразу назад. А чего, спрашивается, пошел? Раз больной, сиди и жди доктора. Здоровье – это для человека самое главное. И кто бы позволил тебе уйти с температурой-то?

В коридорчике медпункта кто-то застучал дверями. Женщина выпрямилась, нахмурилась, бросила на Митьку сердитый взгляд:

– Ну вот, опять Елена Степановна раньше времени... Видно, усмотрела из квартиры, что больной появился. И откуда вас только несет. Тот больной, другой больной... Подумали бы, вас много, а она одна. Она девчонка еще хлипенькая...

– Нам девчонку и надо... Зачем нам старуху-то? – заявил вдруг Митька.

– Ох ты... гу-усь! – грозно сказала женщина, и в это время зашла Елена Степановна.

– Кажется, больной пришел, Татьяна Павловна?

– Вон он, – махнула женщина своей тряпкой так, словно хотела швырнуть ее в Митьку.

– Курганов! – тревожно воскликнула Елена Степановна, оборачиваясь к Митьке. – Что с вами? Укол беспокоит?

– Беспокоит, – подтвердил Митька.

Елена Степановна пробежала в свой кабинетик, стаскивая на ходу шубку. Уборщица вышла.

Краснова вернулась уже в халате, в такой же белой косыночке. Из того же стакана в шкафчике взяла градусник, торопливо начала стряхивать его.

– Так что же с вами... Курганов? Сильно беспокоит?

– Сильно. Круги перед глазами. Голова кружится. Прилечь бы...

– Так как же вы один... на лыжах?! Ложитесь вот сюда, – показала она на кровать.

Митька тяжело поднялся, пошатнулся, будто в самом деле был очень болен. Градусник выпал у него из-под мышки и раскололся вдребезги.

– Эх...

– Ничего, ничего, – успокоила Елена Степановна, – это Татьяна Павловна правильно... Молодец она у меня. Градусник – пустяки. Тужурку положите сюда. Держитесь за меня. Пошли... Не упадете? Держитесь за шею...

Митька положил руку на маленькое, хрупкое плечико. От волос Елены Степановны пахло духами и почему-то совсем не пахло, как позавчера, лекарствами. И у него вдруг в самом деле закружилась голова, захотелось вот сейчас же, сию секунду, покончить с этим спектаклем, повернуть ее свободной рукой к себе, поцеловать, а там – будь что будет. Рука его, лежащая у нее на плечах, дрогнула.

– Осторожнее... Держитесь крепче, – быстро сказала она, и это отрезвило Митьку.

Елена Степановна довела его до койки, Митька грузно сел.

– Вот так... Ложитесь.

– Сейчас... Валенки...

Митька попытался их снять. Но руки и ноги ему будто не повиновались.

Елена Степановна присела, взялась за валенок, потянула. Потом взялась за другой...

– Ложитесь...

Митька упал на спину. Елена Степановна укрыла его, поставила под мышку новый градусник, ушла в свой кабинет.

«Что же теперь делать?» – размышлял Митька, глядя в потолок. Вот сейчас она вернется, посмотрит на градусник. Температура нормальная. Она сдвинет удивленно брови. Осмотрит спину – не воспалился ли позавчерашний укол? Какой там, к черту, воспалился! Он уж и забыл

про него... Ну, можно еще сказать, что сердце колет... и еще – голова все кружится... В конце концов она поймет, что он дурачит ее. Поймет, а он что ей скажет, как будет оправдываться за все это? Извини, мол, Лена-Елена, не нашел лучшего предлога, чтобы с тобой поговорить? Когда-то, мол, убегал от тебя в тайгу, а теперь сам пришел? Ну, допустим, скажет он чтонибудь в этом роде неуклюжее, неумное. А она что? А она что?

Дорого дал бы сейчас Митька, если кто-нибудь мог бы подсказать ему, как же поведет себя через пять-десять минут эта «хлипенькая», по выражению рыжеволосой Татьяны Павловны, девчонка.

А может, она отшатнется подальше от его глупо улыбающейся рожи, побелеет от гнева и прокричит, как вчера Клашка, хрипуче и протяжно: «Дур-рак!...» Что ж...

И у Митьки стало да душе еще более невесело, тревожно и отчего-то пусто. Нет, надо было поцеловать ее, да и дело с концом... А может... у Митьки застучало сердце часто-часто... а может, так и сделать сейчас вот... она подойдет градусник вынимать, нагнется... Обхватить ее за шею, да и...

Он, может быть, действительно так бы и поступил, да не успел еще продумать все до конца, когда Елена Степановна неслышно подошла к кровати, вынула градусник, села рядом на табурет и, улыбнувшись, произнесла:

– Ну?..

Митька глядел на нее таким взглядом, что улыбка ее от неожиданности разбилась, как недавно уроненный им градусник, на мелкие осколки и исчезла. Она растерянно и смущенно взмахнула ресницами и снова произнесла, краснея до самых кончиков ушей:

– Ну что вы...

Митька рассмеялся:

– Да мало ли чего...

Но Елена Степановна вспомнила наконец о градуснике, посмотрела температуру. Смотрела она долго, будто впервые видела этот нехитрый медицинский прибор. Брови ее, аккуратненькие, чуть подкрашенные, не сдвинулись, как предполагал Митька. Они то поднимались, то опускались. Наконец она произнесла:

– Не понимаю... Температура нормальная.

– А может, он сломанный, этот градусник, – сказал Митька. – Вы сердце послушайте. – Он расстегнул рубашку, схватил руку Елены Степановны, положил на свою бугристую грудь.

Рука ее легла на Митькину грудь не сразу, ему пришлось преодолеть сопротивление, но все же легла.

Митька ощутил, что чуть-чуть вздрагивают пальцы Елены Степановны, и улыбнулся. «Ну вот и все, – подумал он, – готова. Сейчас можно и поцеловать...»

Подумать-то подумал, но осуществить свое намерение снова, в третий раз, не решился. Может быть, опять не успел, потому что Елена Степановна отдернула вдруг руку и сказала сердито:

– Послушайте... вы...

– Чего – я? Это ты послушай меня. Говорю – колет сердце. Или не будешь? Тогда я пойду.

Она закусила губу. Митька невольно сравнил ее губы с Иринкиными и подумал, что у Иринки красивее.

– Называйте меня на «вы», – тихо попросила Елена Степановна. Выдернула из кармана халата стетоскоп. Затем решительно и резко сказала: – Снимите рубашку.

Долго и тщательно она выслушивала Митьку, не глядя ему в глаза. Затем приказала:

– Повернитесь на живот... Дышите... Так, теперь не дышите...

Помяла пальцами кожу на лопатке, куда позавчера сделала укол, и встала:

– Одевайтесь.

Митьке ничего не оставалось, как подняться с койки.

«Вот как это, оказывается, кончилось, – думал он, одеваясь. – Теперь надо оправдываться. И сказать: „Извините, раньше убежал от вас, а теперь сам пришел...” Но все это теперь Митьке казалось тем более неумным, неуместным, слащавым. И она, конечно, не поверит, не откликнется на это. Но ведь есть, наверное, такие слова, которым бы она поверила, на которые откликнулась. Откликнулась бы, это Митька знает, чувствует... Вон пальцы-то подрагивали. И сейчас еще взглянуть боится...

Елена Степановна действительно стояла, отвернувшись, у окна, смотрела на улицу. Митька надел валенки, натянул пиджак, взялся за тужурку. Уйти так было неудобно, просто невозможно, а она молчала.

Митька потоптался у порога и спросил:

– Как он... Смирнов? Ничего доехал?

Она не ответила. Митька подождал-подождал и усмехнулся:

– Тогда прогоняйте, что ли.

– Уходите, – тихо сказала она.

И вдруг Митька, снова став самим собой, прямо, без всякого смущения, сказал:

– Слушай, Лена-Елена... Я ведь, надо понимать, не зря притопап сюда. Прокатимся на лыжах, а? Время еще раннее, больных нет. А вечером в кино ходим. Там, возле клуба, я афишку видел...

Она резко обернулась. Щеки ее, казалось, распухли, вздулись от внутреннего огня. («Эге-ге-ге! – чуть даже не присвистнул в эту секунду Митька. – Да ты, Лена-Елена, еще невиннее, чем я предполагал!»)

– Послушайте! – воскликнула она. И вдруг (этого Митька никак уж не ожидал) всхлинула раз, другой и, опустив голову, зажав руками щеки, спросила у кого-то сквозь слезы: – Ой... Что же это происходит со мной?

И, согнувшись, как от боли, убежала в свой кабинет, захлопнула дверь.

Митька постоял-постоял, шагнул к этой двери. Он хотел уже приоткрыть ее, но услышал за дверью частое дыхание и понял, что девушка прижимает ее спиной.

«Отгородилась...» – усмехнулся он и, неслышно ступая, вышел из медпункта.

Со станции Митька вернулся в хорошем расположении духа. Лыжи он снял возле калитки, занес в сенцы, с грохотом бросил их в угол. Кое-как обмел заснеженные валенки, вошел в кухню.

– Здравствуй, мама! Чего пожрать бы...

Степанида возилась с квашней. Руки ее были чуть не по локоть в муке.

– Господи, где же ты пропадал чуть не до обеда? – проговорила она, вытирая их.

– Так... На свидание ездил. К одной образованной женщине.

Степанида вскинула брови. Спросила осторожно:

– Что это за женщина такая?

– Есть, есть одна тут, – небрежно сказал Митька, заглядывая в стоящую на шестке кастрюлю.

– Да погоди ты. Сейчас накормлю. Сейчас – Степанида откинула заслонку, взяла ухват. – Остыло уж, поди. На завтрак я лапшу варила.

Митька прошел к умывальнику, сполоснул руки.

– А тут председатель, сказывал отец, растереть тебя собирается...

– Ну! – ухмыльнулся Митька. – За что это?

– Да уж чего ты, сынок, все наперек им делаешь?

– Кому это я наперек? – Митька сел за стол, пододвинул к себе налитую чашку.

– Как же – кому!.. Чего его дразнить, Захара-то? Председатель все же... С трактора ссадить грозитя ведь... Мало, говорит, всяких штучек выбрасывает, еще сегодня на работу не вышел. И ссадит. А чего хорошего?

– Ну да! – И Митька даже скривил губу. – Пусть поищет такого тракториста еще...

– Ох, Митенька...

– Да не охай ты, – рассердился Митька.

И Степанида притихла.

Митька хлебал теплую лапшу. И по мере того как убывало в чашке, настроение его снова улучшалось.

– Дай-ка там кислого молочка, что ли, еще, – весело сказал Митька.

Пока мать ложкой накладывала из большой эмалированной миски густой, как сметана, варенец, он вылез из-за стола, глянул в настенное зеркало, подергал себя за чуб. Подмигнул сам себе: «Вот так, уважаемая гражданка Шатрова. Подумаешь, дурак! Подумаешь, не видел еще таких! Всяких я видел! Митька не будет слюни распускать перед тобой. Митька не пропадет. Пускай эта докторша не пошла сегодня со мной на лыжах кататься. Придет время – бегом за мной кинется. Эта про Зинку ничего не знает. Да коль и узнает... Не все же такие разборчивые. Вот тогда-то похлопаешь глазами, в кровь искусаешь свои красивые губки...»

Но при воспоминании об Иринкиных губах опять сдвинул брови: черт, губы-то у нее в самом деле получше, посочнее, что ли...

– Пей, Митенька, – сказала Степанида и поставила на стол полную кружку варенца. И осторожно опять спросила: – А женщина эта кто такая?

– Ну, мать... – недовольно буркнул Митька, все еще стоя у зеркала. – Хорошая женщина.

– Кто же она? Где работает?

Митька не ответил. Степанида почувствовала, что ее вопросы не понравились сыну, проговорила обиженно:

– От матери-то чего таиться? Мать больше тебя прожила, кое в чем разбирается...

– Сам я как-нибудь разберусь, – сказал Митька сухо.

– В молодости все так думают... Да... женишься раз, а плачешь целый век...

– Слушай, мать... Отвяжись, ради бога! Ни о какой женитьбе и мысли не держу пока.

Степанида сложила руки на груди, поджала губы.

Она чувствовала и знала – сын любил ее, и поэтому не понимала, отчего же он так бывает груб порой, почему его так раздражают иногда ее слова, ее забота и нежность...

А все было очень просто. Вожжи, которыми Фрол отхлестал когда-то жену, до сих пор висели на стене. Фрол убирал их только на время побелки. Но едва Стешка кончала обихаживать дом, он молча вешал их обратно.

Со временем Стешка примирилась с этим своеобразным украшением дома, со своей участью и постепенно оставила попытки «сделать вид», как она говорила, а после рождения сына вообще распрощалась со своими честолюбивыми планами...

– Гляди, береги его, – сказал Фрол жене, как только она оправилась после родов.

– Что ты! Пылинке не позволю сесть, – ответила Стешка.

И не позволяла. Сын рос, держась за материну юбку...

Когда он подрос, стал кое-что соображать, Стешка принялась его воспитывать. Фрол всегда ходил погруженный в какие-то свои хмурые думы, месяцами словно забывал о сыне и жене. Стешка лишь радовалась этому...

Из теплого воска можно вылепить любую фигуру. И Стешка лепила осторожно, незаметно, неустанно. И сказки сочиняла ему, в которых герои любыми способами, не останавливаясь ни перед чем, добивались богатства и достатка, и песни колыбельные пела про добрых молодцев, достигающих удачи хитростью, обманом, подкупами...

Когда Митьке исполнилось пять лет, она купила ему глиняный бочонок-копилку, позвала на огород и сказала:

– Вот копилочка, а вот тебе денежка. Брось-ка денежку в эту щелку.

Митька взял пятак и опустил в копилку. Монета глухо звякнула внутри бочонка.

– Ну? – спросила Стешка.

– А что «ну»? – в свою очередь, спросил Митька.

– Как звенит, слышишь?

– Ага...

– Вот так... Когда появится у тебя денежка – найдешь ли, сбережешь ли на чем, – вот сюда бросай. Потихоньку накопится мно-ого. Вынешь – купишь что-нибудь. Что тебе надо?

– Куклу, – сказал Митька.

– Зачем тебе кукла?

– А дядьки Никулина Зинка все плачет и плачет. Я отнесу ей...

– Вот это зря. Ты принесешь – они посмеются: «Вот дурачок какой...» Ты лучше соберешь денежек да купишь конфет. Мно-ого, целый мешок. Только рассказывать никому не надо. Зароем давай вот тут ее. И отцу не говори. Появится денежка – приди тихонечко сюда и сбрось. Сбросишь – и прикрой копилку... А придет время, и люди удивятся: «Откуда у Митеньки столько денег?»

Теперь у Митьки была своя тайна. Мать помогала ему охранять ее.

По мере того как Митька подрастал, Степанида незаметно меняла свои приемы и методы воспитания. Что же, она была умелым воспитателем.

Учился Митька до третьего класса плохо, едва-едва не попадал во второгодники. Когда начал ходить в четвертый, Степанида сказала:

– А учиться, Митенька, надо старательно. На «хорошо» да на «отлично».

– Сама поучилась бы на «отлично»-то... Памяти нету у меня.

– А все-таки надо. Ученым да грамотным-то вон как хорошо. Смотри на Захара Большакова. Председатель, всегда в кошевке ездит да распоряжается. А неученые навоз коровий чистят. Соображаешь?

Митька молчал, пытаясь что-то сообразить. Степанида зорко наблюдала за учением сына, и он помаленьку выправился.

Оказалось, что способностей Митьке не занимать. Уже четвертый класс он окончил круглым отличником и по весне принес домой похвальный лист.

– Добро. Молодец, – сказал Фрол, потрепал сына по голове, отвернулся и тут же забыл.

Неся домой похвальный лист, Митька ожидал не только похвал, но и восторгов и, конечно, подарков. А тут всего два равнодушных слова... На ресницах у Митьки нависли слезы.

– Ничего, ничего, сынок, – успокоила его Степанида. – Отец-то наш неудачник. Не везет ему в жизни. Все на конюшне да на конюшне. А много ли там заработаешь? Видишь, как живем – не шибко в большом достатке... Вот и загруб сердцем... Зато уж ты у меня в люди выйдешь. Ты у нас одна надежда...

Говоря так, Степанида преследовала один результат, а добилась другого. Если раньше Митька сторонился угрюмого отца, поглядывал на него с робостью, испугом, то теперь незаметно переменился, в ребячьих глазенках при виде отца вспыхивали все чаще не то жалость, не то робкое участие, нежность.

– Ты чего, Дмитрий, такой печальный? – спросил однажды Фрол, видя, что сын все трется вокруг него, не осмеливаясь заговорить.

– Да мне тебя жалко, – признался Митька.

– Вот как? – Фрол нахмурил брови. – А чего меня жалеть?

– Да как же... Ты все на конюшне да на конюшне. Ну, ничего! Я-то уж в люди выйду.

Фрол нахмурился еще больше, а Митька подумал: отец не верит, что он, Митька, выйдет в люди, потерял всякую надежду. И ему захотелось как-то облегчить состояние отца, обрадовать его чем-то.

– Вот увидишь – выйду. Учусь-то я на «отлично». Я накуплю тебе десять или двадцать костюмов сразу. А то вон в каком облезлом ходишь. Да и сейчас... сейчас я тебе денег дам... На пиджак, наверное, хватит.

Фрол удивленно поднял голову.

– Да нет, ты не думай, что украл, – поспешно проговорил Митька. – Я накопил. У меня копилка есть. На огороде зарыта...

– А ну, пойдем! – Фрол грузно поднялся со стула.

– Пойдем, пойдем! – радостно воскликнул Митька.

На огороде они выкопали из земли позеленевший бочонок. Фрол взял его в руки и ткнул камнем. Бочонок развалился. На колени Фролу дождем высыпались пятаки, гривенники, полтинники, тоже позеленевшие, ослизлые от сырости...

Митька ждал благодарности от отца, но Фрол схватил его за руку, потащил в избу. Там он ткнул Митьку в глубь комнаты, бросил на стол горсть позеленевших монет, грозно спросил у Степаниды:

– Эт-то что? Что это, спрашиваю?!

Лицо Фрола было перекошено от гнева. Митька смотрел на отца, не понимая, что с ним. Он смотрел на испуганную, прижавшуюся в угол мать и тоже не мог сообразить: чего она так испугалась?

– Ну... что же, – проговорила Степанида жалко и растерянно. – Ну, забавлялся ребенок...

– Забавлялся?! Это – забава?! – ткнул Фрол в рассыпанные по столу пятаки и гривенники. И прибавил угрожающе: – Л-ладно! Это не пройдет тебе так...

Фрол повернулся к сыну. Митька испугался, отпрянул к самой стене.

– Выйдешь, значит, в люди? – спросил он чужим, нехорошим голосом. – Не так в люди-то выходят, дурак...

Сгреб со стола монеты и выбросил их в окно, в разросшийся под окном бурьян.

Митька не знал, выполнил ли отец свою угрозу, и если выполнил, то как. Но после этого случая мать недели две ходила мрачная, неразговорчивая, пришибленная какая-то. Митька хотел обо всем расспросить ее, но не решался. Когда мать немного пришла в себя, поинтересовался только:

– А почему отец дураком назвал меня?

– Так все потому же, сыночек... Огруб он, не верит уже ни во что. А ты не обижайся. Пусть тебя считают дурачком, а ты не будь простачком.

...Потом Степанида часто повторяла ему эту присказку.

После случая с копилкой она не поступилась своей целью. Каждое событие в деревне, каждый случай она освещала сыну особым светом. Покупал кто-нибудь обнову – она говорила: «Видишь, умеют люди жить...» Случалось у кого несчастье – она усмехалась: «Дуракам-то и посередь поля тесно... Сделал бы вот так-то, и все обошлось бы. С умом жить надо...» Приезжал в колхоз кто-нибудь из района – Степанида обязательно говорила сыну: «Видишь, с портфелем похаживает. Не житье, а сплошной праздник...»

И Митька волей-неволей начинал мыслить так же. Отец по-прежнему был хмур и неразговорчив, мать добра и ласкова.

Однако чем взрослее он становился, тем ярче проступала его неумная, озорная и щедрая натура. Он мог, например, до хрипоты спорить, что ему за какую-то работу начислено меньше, чем положено, на столько-то сотых трудовдня, и тут же вызывался безвозмездно, ради интереса, как он объяснял матери, помочь кузнецу отремонтировать десяток-другой борон. И помогал день, два, три... Он мог, например, сегодня внимательно слушать наставления матери, как поступить в том или другом случае с большой выгодой для себя, а завтра сделать совсем наоборот. А на ее укоры и неодобрительное покачивание головы небрежно отмахивался: «А-а, ладно...»

А потом все чаще стал грубить матери, покрикивать на нее, огрызаться. Но каждый раз, когда нагрубит, примолкнет и день-другой ходит виноватый...

– Вот видишь, сынок... – укоризненно говорила мать, собираясь начать какой-нибудь разговор.

Но он обычно прерывал ее:

– Хватит, мама! Сам не маленький уж, понимаю...

Что он понимал, Степанида так и не могла уразуметь. И все чаще беспокоили ее невеселые думы: не напрасно ли она потратила столько сил на Митьку, не впустую ли?..

Подошло время идти Митьке в армию. Степанида проводила его с той же беспокойной мыслью – не впустую ли?

Из армии Митька вернулся бугай бугаем – рослый, плотный, чубатый. Спорол погоны с танкистскими эмблемами, стал работать трактористом. Степанида внимательно наблюдала за сыном, но теперь боялась почему-то давать ему какие-либо советы.

А Митька принялся ухлестывать за колхозными девчатами. И вроде никому не отдавал предпочтения, бродил по деревне сразу со всеми, как петух с беспокойной стаей куриц. Только Ирины Шатровой никогда не было в этой стае. Степанида почему-то заметила это. Может, потому, что ей казалось: Митька, встречая иногда внучку старика Анисима, поглядывает на нее приценивающимся взглядом. «Ну и пусть, – думала она. – Девчушка, по всему видать, не сплошает в жизни. Сейчас, правда, пустяками занимается, цветочки под окнами садит... Да ничего, подрастет – поумнеет. И Захар, кажется, в любимчиках держит ее. Он откроет ей дорогу в жизнь...»

Но совершенно неожиданно все ее надежды испарились в одну секунду, как испаряется дождевая капля, упавшая в жаркий костер. Однажды, возвращаясь поздним вечером с поля, она услышала в придорожных кустах какой-то шорох. Сперва Степанида испугалась. Мало ли чего... Ночь темная, оборванцы-нищие в деревню заходят... И потом обомлела вся, но уже не от страха, а от чего-то другого.

– Митя, Митенька... – прохныкал в кустах голосишко Зинки Никулиной. – Что же дальше-то будет? Ведь беременная я...

– Тихо ты! – прикрикнул Митька. – Идет по дороге кто-то...

Степанида прошла мимо как пьяная... «Вот тебе и Зинка-тихоня! Ох она, сучка тонконогая!» – думала Степанида, ощущая желание вернуться, схватить ее за волосы, вытащить на дорогу и растоптать в лепешку, растереть...

Несколько дней она бросала на Митьку гневные взгляды. Но Митька не замечал их, был по-прежнему весел и беспечен. Тогда она не вытерпела и спросила:

– На Зинке-то... жениться, что ли, думаешь?

Митька вздрогнул, залился краской.

– Ты... откуда знаешь... про Зинку?

– От матери что скроется?

Митька опустил голову, отвернулся. Чувствуя, что мать ждет ответа, промолвил:

– Да нет, не собираюсь. Не тот товар.

Заходило сердце у Степаниды от неумейной радости. Не напрасно, не впустую истратила она столько сил на воспитание сына. Вместе с молоком, вместе с ласками сумела она-таки передать ему что-то свое, затаенное. Пусть не в такой мере, как хотелось, но сумела, сумела...

– Сыночек! – воскликнула она. – Это правильно ты. Всякая девка для своего жениха родится. А ты свою не отыскал еще, не отыскал... Такую ли тебе надо! Они, Никулины-то, вечно щи лаптем хлебали...

– Ну, понесла... – недовольно буркнул Митька.

– Может, помочь тебе... распутаться с Зинкой? – не помня себя от радости, спросила Степанида.

– Сам уж я как-нибудь!..

– Ничего, я помогу, помогу! Тихонечко, незаметно. Уж я позабочусь, чтоб... сама убралась из деревни да никогда не вернулась.

– А не много ли, мать, не много ли берешь на себя? – недоверчиво спросил Митька. – Как это убралась, да еще сама?

– Я заметила – стыдливая она. Это хорошо.

– При чем тут ее стыдливость?

– Не захочет сгореть от стыда – уедет.

– Ну?

– Да, Митенька! – ласково воскликнула Степанида. – Чего допытываешься, все равно это тебе не шибко понятно будет. Да и зачем оно тебе, такое понятие? Ты только не печалься. Ни об Зинке, ни об... ее дите. А чей он, кто знает?! Мужиков полно деревня! А Зинка еще по бригадам ездит, книжки развозит... Я так сделаю, что, ежели сама признается, чей ребенок, – не поверят ей...

– Да ну тебя, мать. Придумает тоже. Ничего не надо, – сказал Митька. Сказал, однако, вяло, нерешительно и торопливо, чтоб закончить неприятный для него разговор.

А Степанида, встретив как-то Устину, оглянулась, нет ли кого поблизости, проговорила:

– Устин, помоги в беде. Век благодарить буду...

– Что за беда такая стряслась? – глянул Устин на Степаниду черным глазом.

– Будто уж и не знаешь! Я толковала с Пистимеей, она обещала с тобой поговорить... Для того ли воспитывала сына? Ночей не спала, ветру дунуть не давала... Для этой ли чумазой Зинки такого парня вырастила?

– Та-ак! – И Устин крикнул. – Спарились уж, что ли, голубки? Не замечал.

– И я не замечала. И я... Зашло у них недалеко вроде. Так ведь долго ли? А чем глубже, тем оно туже будет...

– А почему, если спросить... ко мне ты? Я-то что, силой их разведу? Что я смогу тут?

– Устин, – задышала беспокойно Степанида, – уж я догадываюсь, чего ты можешь, чего нет. И Пистимея обещала потолковать с тобой, попросить, чтобы побыстрее ты... А ты... время идет, а ты ничего такого...

– Да что я должен делать? – прямо и насмешливо спросил Устин.

– Зачем уж эдакие вопросы? – отвела Стешка глаза в сторону. – Мы обо всем ведь с Пистимеей обговорили, все прикинули. Стыдливая она, Зинка, молоденькая. Не выдержит, уедет. Далеко если, то хорошо. А недалече – так Пистимея, дай ей Бог здоровья, обещала подумать об Зинке дальше. Чего уж... Все ведь знаешь.

– Ничего я не знаю, – холодно ответил Устин. – Ступай, а то приметит еще Фролка. А Митьку сама держи.

Степанида так и не поняла, что это значит – отказ или обещание в помощи. Держать сына, однако, надобности не было. Вечерами он уходил из дому все реже и реже, а потом вообще перестал бывать на гулянках.

Несколько раз Степаниде попадалась на глаза растерянная, с припухшими веками Зинка. Она бросала на нее странные взгляды, будто собиралась подбежать, уткнуться в плечо и зарыдать. На всякий случай Степанида поднимала на Зинку холодные, осуждающие глаза и проходила мимо. Проходила и думала: «Перетянула, видать, пузо-то. Ишь, не заметно ничего...»

Потом младшая дочка Антипа Никулина уехала из деревни. Все говорили – от стыда за отца дочери съехали из родительского дома. «Клашка, может, и из-за отца, – думала Степанида, – а Зинка-то знаю из-за чего, от какого стыда...»

Вскоре после этого, встретив Устину без людей, Степанида сказала:

– Вот уж спасибо тебе! Вот уж спасибо!

– Здорово живешь! – небрежно промолвил Морозов. – За что это?

– Да уж догадываюсь. Догадываюсь маленько...

Морозов пошевелил бровями, вздохнул. И, помолчав, сказал куда-то в сторону:

– Сообразительная, говорю, баба ты. Пропадешь вот зазря.

– Зазря, это верно ты... – начала было Степанида.

Но Устин опять двинул бровями:

– Ну!.. По совести, ей-богу, не знаю, за что благодаришь.

И пошел своей дорогой, не оглядываясь.

Митька же после отъезда Зинки из деревни снова стал похаживать вечерами на гулянья, пропадал иногда до утра. О Зинке он вроде сразу же забыл, будто и не было в его жизни этой девчонки. И ни одним словом не поинтересовался у матери, с ее или без ее помощи уехала в Озерки дочка Антипа. Степаниду это обижало даже немного. Но вся она теперь была переполнена новым беспокойством – как бы опять не спарился с кем Митька... И однажды, не вытерпев, сказала:

– Митенька... Раз Бог пронес, так чтобы снова... Я к тому это...

И тут Митька взорвался, точно бочка с порохом, в которую бросили горячую спичку:

– Т-ты, мать! Чего ты лезешь всегда мне в душу?! Что Бог пронес? А может, лучше было бы, кабы не пронес он?! Кто у тебя просил этой... такой помощи?

– Сыночек, сыночек! – обиженно воскликнула Степанида. – При чем я-то здесь? Ведь сам ты отодвигаться начал, бегать от нее...

– Я, может, побегал бы, да образумился?

– Чего говоришь-то? Чего говоришь? Подумай!..

Митька, наверное, в самом деле подумал, стих, замолчал. Степанида подождала немного, качнула укоризненно головой:

– С матерью-то ты как, Митенька... Я тебя в себе носила, качала-пеленала, с ложки кормила...

– Чего уж... Ладно, мама, извини...

Когда родился у Зины сын, Антип, ее отец, беззвучно похлопал глазами и ртом. И только на другой день рассмеялся:

– Хи-хи... Вот это – трансляция. А я что говорил?

И побежал к Кургановым.

– Так как же оно, Дмитрий? Землю-то перед Зинкой кто копытами раскидывал? Ну-ка, признавайся, чей грех?

– Какой еще грех, скрипун ты слюнявый?! – подняла шум на всю деревню Степанида. – Ты чего это хочешь на сына навесить? Да я на тебя в суд за клевету...

– Не шибко, не шибко стращай-то... – попробовал было огрызнуться Антип.

Но Степанида не дала ему больше и рта раскрыть.

– Н-нет, такое бесстыдство видали, а?! – кричала она во весь голос. – Да Зинка ведь дня дома не сидела, все по бригадам таскалась. Туда везет книжки, а оттуда что? А ну-ка, отвечай! Не можешь? А люди знают... Вон, говорю, люди, – тот же Андрон, например. И другие...

Андрон, кроме своего обычного и непонятного «сомневаюсь», по этому поводу ничего не говорил. Зато Устин Морозов подтвердил, что несколько раз видел Зинку в поле и в тайге с парнями из соседних деревень. Старушонки, посещающие молитвенный дом, при случае стали плевать: «Распутница нечестивая! Моя кума с Ручьевки рассказывает, что Зинка, как приедет к ним, книжки свои под лавку, а сама на игрища...» – «И не говори, не говори! Юрка вон Горбатенко, болтают, шибко любитель был Зинкины книжки читать. Как она приедет, рассказывают, он сразу к ней...» – «Дык и Агафья Зиновьевна с притворовской бригады говорит...» – «А я в то лето, поварихой-то когда на стане работала, уж и нагляделась на дочь Антипа... Одному улыбнется, перед другим аж дугой выгнется. А как стемнеет, хохоточки из кусточков...»

В конце концов сам Антип начал всем жаловаться:

– Нет, все это как отцу перенести, а? От кобылица, от кобылица! То-то я все думал – отчего ноги перед сном моет... Это куды ж с такого позору деться. Как теперь главного ответственного найти, коли Зинка сразу на десятерых указать может?

– Где уж тут найдешь! – рассудительно поддакивал Андрон. – Сомневаюсь.

Обо всем этом Митька, разумеется, знал, все разговоры слышал. Мать даже сказала ему однажды: «Заставил бы Антипа принародно прощения теперь попросить у тебя». Требовать от Никулина извинений смелости у Митьки не хватило, но по деревне он ходил теперь спокойно.

С матерью вел себя так, будто был у нее в долгу, хотя нет-нет да и огрызнется на что-нибудь. И Степанида не понимала, отчего так раздражает сына ее забота и внимание.

Сейчас, сложив руки на груди и поджав губы, она молчал наблюдала, как Митька рассматривает себя в зеркале, и все думала об одном и том же: отчего он лается на нее?

– Как все-таки с матерью-то ты, сынок... Обидно ведь мне.

– Да я и не хотел обидеть.

Степанида поднесла к глазам фартук. Митька увидел это в зеркало, беспокойно обернулся:

– Мама...

– Ладно уж, сынок... Пей, что ли, молочко.

Митька сел за стол, подвинул к себе кружку. Поднял глаза на мать и тут же опустил их.

– Ну, хорошо, я скажу. На станцию ездил. Докторша там одна работает в медпункте, Ленка Краснова. Да ты знаешь ее – уколы прошлым летом ставить приезжала. Вот... к ней ездил. Только я ведь... не собираюсь жениться. Ну, съездил... Так, в отместку, можно сказать, одной тут...

Степанида долго вытирала и без того сухие глаза. Опустила фартук, расправила его на коленях. Когда расправляла, руки ее чуть волновались.

– Оно всегда ведь так – сборы долгие, а женитьба в один день. Рано или поздно надо будет... хозяйку тебе. – И вдруг сказала: – Доктора-то хорошо зарабатывают...

– Вот опять! – буркнул Митька.

– Так мать же я тебе, как ты понять не можешь?! Я жизнь-то знаю маленько. И, хоть обижайся не обижайся, я скажу... Раньше вот как говорили: «Муж того возом не навозит, что жена горшком наносит. С умной женой пиры пировать, а с глупой – век горевать...» А как же? Не надо забывать, сынок, про это...

– Что еще там... говаривали раньше? – спросил Митька.

– Хоть и смеешься, а скажу, что же... Еще мудрость такая есть: «Невеста – как лошадь, товар темный». А на тебя – не слепая я – охотниц много. Супротив тебя-то кто из парней в деревне? Никого. Тебе-то, может, и невдомек об этом, а я ведь мать, знаю. И могут тебя быстренько обкрутить, что и не заметишь. Так кто же поможет тебе жену-то вровень выбрать, если не мать? Кто посоветует?

Митька отхлебнул из кружки. Степанида притихла.

Через некоторое время Митька все же спросил, уткнувшись в пустую кружку, точно хотел спрятать туда взявшееся краской лицо:

– Так что же... посоветуешь?

– А то и посоветую... Шутка ли – доктор! У докторов от одних подарков целое богатство. Подвалило счастье – брать надо обеими руками.

Митька поставил наконец кружку на стол, прошелся бесцельно из конца в конец комнаты. Затем присел на стул, посидел, разминая пальцами папироску. Он и не заметил, как порвалась тонкая папиросная бумага, как сухой табак сыпался и сыпался на крашеный пол, на его сыроватые еще от растаявшего снега валенки...

Примерно в тот же час Захар Большаков сидел в доме Анисима Шатрова и пил со стариком чай. Ирина, молчаливая, бледная, то тихонько подкладывала председателю чайную ложку, то неслышно пододвигала фарфоровую сахарницу. Но Захар, кажется, не видел ни сахара, ни чайной ложки. Держа в ладонях горячий стакан, он часто отхлебывал из него.

Сюда Большаков завернул, возвращаясь из самой дальней бригады. Он продрог насквозь. Анисим кивнул внучке на печь, и та немедленно вытащила чугунок с горячей водой, собрала на стол.

Сегодня утром, когда Захар совсем уж собрался ехать в бригады, Борис Дементьевич Корнеев, хмурясь, сообщил ему:

– Испортил нам Митька Курганов всю обедню, кажется.

– Какую обедню? – не понял сперва председатель.

– Вроде начал Егор помаленьку вытаскивать девку. Я за этим делом внимательно слежу. А сейчас Егор туча тучей. Я было сунулся к нему – он обложил меня злым матом...

И Корнеев рассказал Большакову, что произошло у скирды между Митькой и Варварой Морозовой. Захар выслушал все молча.

– А тут еще Иришка в рев ударилась и... Я боюсь, как бы она Варьке теперь чего не наговорила, и тогда уж...

– Иринка-то с чего? – спросил Захар, хотя тут же и сам догадался, поднял на агронома удивленные глаза.

– Ну да, мне и самому это было в изумление, когда Клавдия Никулина рассказала, – проговорил Корнеев. – А оно, если разобраться, чего же? Мы заскорузли уж, много нам не видно. Сердчишко у нее молоденькое, а Митька парень броский.

Захар сел в кошевку, укутал поплотнее ноги старой медвежьей шкурой.

– Как, кстати, она, Клавдия?

Корнеев пожал плечами:

– Знаешь же – треплют языками по деревне... Об ней с Фролом. Тоже... древний рыцарь объявился! Смех один.

– Я о другом...

Корнеев только махнул рукой:

– Чтоб в молитвенный дом – не слышно. А старушонки похаживают к ней.

– Да-а... – невесело проговорил Захар. – Ну ладно, присматривай тут. К обеду вернись. Ни с Егоркой, ни с Варькой пока ничего такого не надо. Тут разобраться следует осторожно. Если Варька к Егору... чего же она Митьку по сопатке тогда не съездила?

– Не знаю. А должна бы, кажется...

– Вот то-то же... Тут непонятное что-то пока для меня. Ну, поглядим... С Иришкой сам попробую потолковать, если сумею.

И сейчас, прихлебывая чай, обдумывал, как удобнее это сделать. Анисим чай почти не пил, поглядывал беспрерывно в окошко.

– Митька-то, говорят, на работу сегодня не вышел? – спросил старик.

– Не вышел. Ему, стервецу, уши оборвать бы, – сказал Захар.

Ирина звякнула посудой, быстро встала из-за стола, отошла к печке. Анисим проводил ее краем глаза.

– Говорят, на полустанок утром бегал он, – продолжал старик. – Недавно воротился, я в окно видел. Заболел, может?

– Больных у нас возят, – со злостью проговорил Захар.

– Ну да, ну да... – неизвестно к чему промолвил старик.

Захар отодвинул пустой стакан, поднял глаза на Ирину:

– Я вот что хотел, дочка... Мы с тобой об Варьке Морозовой как-то...

– Вы что, сговорились?! – крикнула Ирина. – Провалиться бы ей... Не буду я, ничего не буду...

И, схватив одежду, выбежала из дому.

– Ну да, ну да... – опять промолвил свое старик и неловко полез из-за стола.

...Через несколько минут Захар вышел на крыльцо, возле которого росло огромное дерево. По улице торопился куда-то Колесников. Увидев председателя, он остановился.

– А новость ты еще не слыхал? – спросил он. – Сегодня утром Варька... ушла к Егору!

– Как ушла? – переспросил Захар, чувствуя в душе облегчение.

– Известно как. Собрала платишки в узел, да и перетасила к Егору в дом. Я как раз у Егора сидел. «Вот, говорит, пока матушки дома нету, а то не осмелюсь при ней. И чтоб, говорит, ты, Егор, не думал, что я с Митькой... – И заплакала. – С Митькой-то, говорит, отец меня силком заставлял...»

– Силком? – переспросил Большаков. – Это зачем же?

– А черт его знает! Может, женить на ней Митьку хотел. Вернутся – я расспрошу Егора поподробней.

– Куда же они уехали? – Захар подошел к кошеве.

– Да в сельсовет, регистрироваться. Едва Варька ввалилась, Егор, понимаешь, так и просял. Не шутейно, знать, мучился мужик. И сразу ко мне: «Сходи к Фролу, попроси подводу, чтобы в сельсовет съездить...» А чего к Фролу! Я к Корнееву побежал...

– Ну?

– Твой заместитель распорядился, чтоб Сергеев машину дал...

...Колесников зашагал дальше по направлению к своей мастерской.

Захар сел в кошевку и в это время увидел Ирину. Она стояла за деревом, прижавшись к стволу. Глаза ее были красными, губы – чуть распухшими.

– Вот видишь, а ты плакала, – проговорил Захар.

– Теперь мне что, радоваться? – спросила она.

– Так слышала же...

– Ну и что же, что слышала?! Если бы все так легко и просто было! Ведь он... Как он-то мог... – Она на секунду умолкла. – Да и какое вам все до этого дело? Какое?!

И стремительно убежала в дом.

...Лошадь шла по улице шагом, и Захар не торопил ее. Он думал сейчас о Егоре, о Варваре Морозовой, о Митьке, об Ирине, о Зине. «Если бы так все легко и просто...» Да, нелегко. И непросто. Взять хоть бы этих троих – Зину, Митьку, Ирину. Уехала Зина из деревни, недоглядел. Можно, конечно, оправдаться – за всем не усмотришь. А должен, обязан. Сам-то перед собой он вину чувствовал за Зину постоянно.

Несмотря на все разговоры и пересуды, Захар был, кажется, уверен, кто виновен в несчастье Зины. «Как же так, Дмитрий?» – попробовал он однажды поговорить с Кургановым. «О чем это вы?» – удивился Митька. Удивился слишком старательно, заранее приготовившись гордо оскорбиться подозрением... «О Зине я Никулиной», – все же сказал Захар. И Митька действительно оскорбился, тряхнул чубом: «Я даже и разговаривать не буду... чтоб не мараться об эту грязь. И тебя, дядя Захар, не марать».

Вон как ответил Митька. И пошел, понес свой чуб. «Ну, гляди, Дмитрий, шутки шутишь с жизнью, оплатит она когда-нибудь тебе, за все отвесит сполна, – предупредил он Митьку. – А правду я все равно раскопаю. И тогда уж не обессудь...» Да что ему, так и унес свой чуб.

О Зине Захар за повседневными своими делами не забывал. Ощущение вины перед девушкой точило и точило его временами. Бывая в Озерках, он не упускал случая повидать Зину, заходил в редакцию. Однако она явно тяготилась этими встречами, принималась за вычитку газетных статей, всем видом показывая, что очень занята.

Пытался он и напрямик узнать правду. Однажды, зайдя в корректорскую, сказал:

– А зря ты, Зина, так ведешь себя со мной. Я что хочу? Мне надо знать, кто с тобой так... кто отец ребенка. Ведь кто-то из наших, из колхозных. Я бы его, подлеца, скрутил...

– Чего вы пристали ко мне? – заплакала девушка, уронив голову на стол. – Какое вам дело до... всего? Скрутить можно... И можно, скрученного, под мои ноги положить. Да мне-то зачем он такой?

– Тяжело ведь тебе, Зина, с ребенком, – мягче сказал Захар. – Мы бы хоть алименты с того взыскивали... Сам бы, милоч, без всякого суда, выплачивал.

– Не надо мне ничего... И никого. И уходите! – еще сильнее зарыдала она. – Неужели вы не видите, что мне еще тяжелее, когда вы приходите...

Да, нелегко и непросто, размышлял далее Захар. И Зине, и Егору с Варькой, и Фролу с Клавдией. И вот Ирине теперь. Одному Митьке вроде легко пока, все для него просто...

Но, как бы там ни было, Егору с Варькой должно быть теперь легче. И горе Иринки должно улечься со временем. Не такая девушка, чтоб могла обмануться Митькой. Придет время – и кто-нибудь развеет ее горе. Как это недавно пели девушки в клубе на концерте? «Где-то счастье, словно утро, занимается, где-то ждет меня любовь моя...» И дождется. Займется счастье, разгорится. Но вот что же будет все-таки с Зиной?

В тот раз, когда она прогнала его из редакции, он, уходя, сказал:

– Я ведь знаю, Зина, что Митька отец твоему ребенку.

– Нет! Не-ет!! – закричала она, отрывая от стола мокрое лицо.

– А я говорю – Митька! – жестко промолвил Захар. – Непонятно мне только одно: почему ты скрываешь это? Почему оберегаешь его? Ведь пойми – без твоего слова я ничего не могу... не имею права сделать с ним. Любишь ты его, что ли?

Зина ничего на это не ответила, только уронила голову на стол. Острые, худые ее плечики тряслись. Затем она встала и стремительно выбежала из редакции.

«Любит», – понял Захар. И, уезжая тогда из Озерков, всю дорогу размышлял... Странная, однако, это штука вина – любовь. По-всякому ее понимают люди, по-всякому она заставляет их поступать...

Долгое время эти мысли бродили потом в голове Захара. Сперва он удивлялся даже: вот еще, была нужда философствовать по этому поводу! Потом понял: «нужда»-то как раз была – все та же Зинка с ее нелегкой судьбой. Забрестило неясно в голове: помочь Зинке, видимо, можно только с помощью ее же чувства к Митьке. Не зря, выходит, она так ведет себя. Она уж ничего хорошего не ждет, но бессознательно бережет в себе эту последнюю надежду, бессознательно держится за нее. И, кажется, чем ей тяжелее, тем она держится за нее крепче...

Все это, может быть, и хорошо, думал далее Захар, но ведь держись не держись, главное-то – Митька. Как ему-то, подлецу, мозги выправить? Этого Захар долгое время не знал. И только вот в последние дни, когда заговорили по деревне во весь голос об отношениях Фрола с Клашкой, у Захара неожиданно мелькнуло: а ведь можно, однако, попытаться помочь всем разом – и Зинке с Митькой, и Клавдии с Фролом. А главную помощь всем, а прежде всего самому себе, окажет... Фрол!

Кошевка остановилась уже возле колхозной конторы. Большаков очнулся, услышав:

– Заснул, что ли? – Фрол Курганов стоял, покуривая, у крыльца.

– А-а, рыцарь... – вскинул на него глаза Захар. – Легок на помине. Здравствуй.

– Кто-кто?! – на приветствие он не ответил.

– Эй, мужики! – крикнул Большаков толкущимся на улице ребятам. – Отведите лошадь на конный двор.

– Сам отведу... – Фрол взялся было за вожжи.

Но Захар тихонько отстранил Курганова.

– Зайдем в контору. Дело есть.

В кошевку навалилась куча галдящих ребяташек. Большаков поднялся на крыльцо конторы. Курганов остался стоять на снегу. И Захар не был уверен, пойдет ли Фрол следом за ним. Председатель разделся, похлопал руками теплые бока печки, сел за свой стол. Фрола не было.

Его не было еще минут десять. Потом дверь кабинета осторожно приоткрылась.

Не снимая шапки, Курганов присел возле стены.

– Пришел все-таки? – спросил Захар. – Долго же насмеливался!

– Я просто ждал, не взрешь ли: какого черта, мол, артачишься, приказания начальства не выполняешь!

– Ты смотри, ядовитый какой, – усмехнулся Захар. – Ну, взревел бы, тогда что?

– Тогда три года ждал бы меня...

– Ну да, сидел бы и безотрывно в окно смотрел: не идет ли Фрол Петрович Курганов?

– Вон как? – промолвил Фрол. – Жальце тоже умеешь показывать.

– Да уж такого длинного, как у тебя, во всем районе ни у кого нет. Ты ужалишь – так на всю жизнь...

Фрол понял, что Захар говорит о Стешке, опустил голову.

– Больно кусает пчела, верно. А ты знаешь... что, раз ужалив, она сама подыхает?

Захар долго глядел на Фрола. Глядел и знал, что Курганов чувствует его взгляд, понимая, что Фролу тяжело сейчас поднять голову и он, видимо, не поднимет ее, пока он, Захар, будет на него смотреть. Видно, именно таких взглядов боится Фрол, защищается от них едкими, иногда очень болезненными насмешками, именно поэтому никогда не остается с ним наедине. Еще удивительно, как сейчас зашел в контору.

– Эх, Фрол, Фрол! – промолвил Захар. – Сними шапку-то хоть. В конторе тепло.

– Чего ты из меня... жилы мотаешь? – в два приема выдавил из себя Фрол. – Чего?! Раздави уж лучше сразу как-нибудь, чем так-то! Не чувствую, что ли...

– Сними, говорю, шапку, жарко тут. И разденься.

– Еще издеваешься?! Еще...

Щеки Курганова побагровели. Сейчас встанет, подумал Захар, плеснет, как всегда, ведро помоев в лицо и хлопнет дверью. И верно, Фрол начал подниматься.

– Раздавливать – это твоя специальность, – жестко сказал Захар.

– Заха-ар!

В голосе Фрола, к удивлению Большакова, была безнадежная просьба, даже отчаянная мольба. Однако Захар никак не реагировал на его крик.

Подождав немного, Фрол заговорил тихим голосом, опускаясь на прежнее место:

– Выдыхаюсь, видно, в самом деле я. Теперь давить твоя очередь подходит... – Однако тут же встрепенулся, ошетинился по-прежнему. – Но... что ж, давай. Поглядим еще, чего выдавишь! Поглядим... – И, передохнув, прибавил зловеще: – Только остерегайся! Как бы я, подыхая, не звезданул тебя намертво. Как бы...

С лица Курганова лил пот.

– Знаешь что? Передохни-ка малость и приди в себя, – сказал Захар, вылез из-за стола, подошел к двери, приоткрыл ее и крикнул: – Зиновий Маркович!

Минут пятнадцать, не обращая внимания на Курганова, Большаков говорил со старым бухгалтером об оплате запасных частей для тракторов и комбайнов, об установлении денежных премий на снегозадержании, об очередной выплате колхозникам денег на трудодни. Затем долго толковали о расходах по культурно-просветительной части.

– В Ручьевку куплен аккордеон, в третью бригаду – чуть не целый струнный оркестр, для клуба четвертой – дюжина портретов и картина... Эта, с медведями, – перечислял Зиновий Маркович, загибая пальцы. – Для библиотеки только в нынешнем месяце книг закуплено –

страшно подумать! – на пятьсот рублей. На пятьсот! Или на пять тысяч на старые деньги. Все, больше не дам! Ни на книги, ни на пианино.

– Какое еще пианино? – спросил Захар.

– Он не знает! – воскликнул Зиновий Маркович. – Да Шатрова Ирина мне уж с самого Нового года проходу не дает – пианино да пианино... Для клуба. Уже подсчитала, к твоему сведению, сколько мы нынче истратили на книги, спортивный инвентарь, гармошки-балалайки. Стрательно считала. Как раз, говорит, остается на пианино. А я говорю: «Разве только на цветочные семена рубля четыре найду...»

О пианино Захар действительно слышал впервые. Значит, Ирина вела пока разведку на дальних подступах, скоро надо ждать атаки...

Наконец бухгалтер вышел. Курганов за это время в самом деле остыл, успокоился. Шапку так и не снял, только расстегнул полушубок. «Ну, упрямство, – отметил Захар. – Даже в этом».

– Так вот, Фрол Петрович, о чем я хотел с тобой... – проговорил Захар медленно. – Об наших с тобой отношениях, пожалуй, кончим раз и навсегда. Не молодые уж. Что произошло – Бог тому судья, как говорится... Что же, нелегко мне было. Да и тебе, вижу. Но... к старому возврату нет. Годы, годы ведь прошли, десятки лет. Все они перетерли, как жернова. Это первое...

– И второе есть?

– Второе – об сыне твоём, Митьке.

– Значит, и он тебе дорогу перешел? – недобро ухмыльнулся Курганов.

Захар неожиданно для самого себя вскипел, сжал кулаки:

– Черт возьми! Я, говорю, свое уже отжил почти, мне уже дорогу переходить некому и незачем... А вот другому кому-нибудь... Ты что, хочешь, чтоб он на тебя походил?!

Захар кричал, зная, что на Фрола кричать – все равно что в огонь лить керосин. Но не мог сдержаться раздражения. Однако, к удивлению, Фрол не поднялся на дыбы.

– Что ж, это ты верно, – промолвил он, отворачивая глаза: – Кобель вырос.

– Так кто же его вырастил таким?

– Кто вырастил? – переспросил Фрол. – Кто? – И усмехнулся. – Чего теперь об этом...

Курганов сидел, уткнувшись глазами в пол. Захар смотрел не отрываясь на черный пластмассовый чернильный прибор, точно хотел дождаться, когда он побелеет.

– А ведь, наверно, Фрол, ты думал часто: «Вырастет сын, и все хорошее, что во мне есть...» – тихонько начал говорить председатель. Он оторвал взгляд от чернильного прибора и продолжал: – Есть же в тебе что-то хорошее... И чувствую – немало. «Да, вырастет – и все это хорошее заиграет в нем, заискрится». И ты, сдаётся мне, не раз в мечтах-то думал: «Сын лучше меня проживет жизнь. Вернее. Красивее. Полезнее. И все, что я не сумел...»

Захар умолк, потому что Фрол, резанув его взглядом исподлобья, начал поднимать голову. Но когда поднял, его глаза вдруг потухли, сделались безразличными какими-то...

– Ты... ты... – И горло Курганова перехватило, остальные слова где-то застряли.

Горло сдавливал, очевидно, воротник синей рубахи. Фрол расстегнул его. И только тогда продолжал:

– Ты что... рядом со мной на увале стоял, а?!

– На каком увале?

– Ты что... мысли мои... чужие мысли умеешь подслушивать, что ли?!

Захар обеими руками чуть в сторону отодвинул чернильный прибор, точно он ему мешал.

– Так ведь всякий отец так, примерно так думает о своих детях. Надеется на них...

Фрол сидел теперь прямо, сильно вытянув шею, будто хотел получше расслышать слова председателя. Но Захар больше ничего не говорил. Немножко подождав, Курганов нахохлился, застегнул полушубок, поглубже нахлобучив шапку, закрылся весь, наглухо.

– Что ж, и я надеюсь, – сказал он, не глядя на Большакова. – Митька еще покажет себя.

– Уже показывает. По деревне разное болтают про него. В том числе – будто бы он и с Зинкой Никулиной... Это тебя никогда не беспокоило?

– Нет, не беспокоило, – с насмешкой отозвался Фрол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.